

**МЕТАФИЗИКА «СЕРДЕЧНОЙ ЛЮБВИ»:
С.Л.ФРАНК И И.А.ИЛЬИН**

**METAPHYSICS OF «HEART LOVE»:
S.L.FRANK AND I.A.ILYIN**

Аннотация. Статья посвящена анализу метафизики сердца и любви двух выдающихся русских философов — С.Л.Франка и И.А.Ильина.

Ключевые слова: метафизика сердца; метафизика любви; бытие; мир; человек; философия; Абсолют; Бог.

Сведения об авторах: Бурханов Рафаэль Айратович¹, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии и социальных наук; Юсупова Фира Набиевна², кандидат философских наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Место работы: ¹Нижевартовский государственный университет; ²Нижевартовский филиал Санкт-Петербургского института бизнеса и права.

Контактная информация: 628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56. Тел. ¹89090355304, ²89222553438. E-mail: ¹ra.nvarta@gmail.com, ²ibpnachuo@mail.ru

Abstract. This article analyses the metaphysics of heart and love presented in works of S.L.Frank and I.A.Ilyin, two outstanding Russian philosophers.

Key words: metaphysics of heart; metaphysics of love; being; world; man; philosophy; Absolute, God.

About the authors: Burkhanov Rafael Ayratovich¹, Doctor of Philosophy, Professor of Department for Cultural Studies, Philosophy and Social Sciences; Yusupova Fira Nabievna², Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of general humanitarian and socio-economic disciplines.

Place of employment: ¹Nizhnevartovsk State University; ²Nizhnevartovsk branch of the St. Petersburg Institute of Business and Law.

Традицию православного кардиагнозиса в XX столетии разрабатывал Семен Людвигович Франк (1877—1950 гг.). Основную идею своего учения — мысль о полноте, неисчерпаемости и абсолютном единстве бытия — он усматривал в платонизме, в той его форме, в которой она в виде философии неоплатонизма и христианского богословия проходит через всю историю европейской мысли. Философия здесь в принципе совпадает с умозрительной метафизикой [12. С. 183—184].

По мнению Франка, всякое индивидуальное бытие отдельной вещи или существа укоренено во Всеединстве, которое в любом процессе познания до конца непостижимо. «...Всякая вещь и всякое существо в мире есть нечто большее и иное, чем все, что мы о нем знаем и за что мы его принимаем, — пишет русский мыслитель, — более того, есть нечто большее и иное, чем все, что мы когда-либо сможем о нем узнать; а что оно подлинно есть во всей своей полноте и глубине — это и остается для нас непостижимым» [12. С. 220]. Но Непостижимое Всеединство — не только то, что было, есть и будет. Оно представляет собой скорее источник бытия, чем само готовое или существующее бытие [9. С. 438—441]. Понимание Абсолюта как *абсолютного бытия*, обладающего качествами Всеединства, служит переходом к той философии, которую Франк назвал *абсолютным реализмом* [1. С. 397—401].

Он отвергает приоритет рационального в человеке и Абсолюте, поскольку фундаментальная творческая способность личности может быть понята только как иррациональное начало, реализующееся в целостном акте жизни. Однако признание приоритета иррациональных сторон бытия вовсе не означает полного отрицания значимости рассудка и разума. Франк пытался обосновать единство иррационального и рационального начал в мире, человеке и Абсолюте, которое постигается нами в интуитивном, «сердечном» познании. Русский мыслитель писал о сердце как месте соприкосновения двух миров («Свет во тьме») и о «сердечном знании» («С нами Бог»).

Используя трансцендентальные аргументы, Франк высказывает предположение о том, что самоочевидные истины рационального дискурса должны откуда-то черпать свою очевидность. Чтобы рациональное, объективное знание было действительным, оно должно

опираться на какое-то абсолютное основание вне своих пределов. Истина, ограниченная разумом, с необходимостью подразумевает высшую, неограниченную истину. Таким путем постулируется существование первичной истины, лежащей в основе всякого мышления и всего сущего и придающей им смысл. Эта истина выступает в качестве некоего трансрационального интуитивного источника рациональной мысли.

Философ определяет эту непостижимую первичную реальность как металогическое единство, или живую истину, которая также может быть названа Богом. Но если это Бог, то вовсе не «Бог философов и ученых», так рьяно отвергаемый Блезом Паскалем, абстрактный и непонятный, чистая идея, без всякого признака личности. Бог Франка оказывается Абсолютной Личностью, непосредственно постигаемой в живом экзистенциальном, «сердечном» опыте; и здесь русский мыслитель в высшей степени солидарен с мудрецом из Пор-Рояля.

Полнота Всеединого может быть постигнута только таким видом познания, которое объединяет в себе знание и жизнь, подчеркивает Франк. В «живом знании» познание не отрешается от предмета и не превращается в объект для себя, но «живет» им. Поскольку «живое знание» должно иметь свой особый предмет, оно может быть только «мыслящим переживанием». Мы знаем бытие, потому что сами существуем, потому что мы живем и в нас проступает та очевидная первооснова, которую мы зовем *жизнью* [10. С. 130—135].

Но если мир укоренен в Абсолюте, а человек укоренен в мире, рассуждает православный мыслитель, то, следовательно, все тайны мира заключены в человеке: мир очеловечен, и его невозможно постигнуть вне человека. Даже Бог прежде всего в нас самих, Бог с нами, являясь нам в общении с Ним. Сознывая себя, свое «Я», человек открывает в своем внутреннем опыте некую абсолютную и первичную реальность — духовное, идеальное бытие — и, в конечном счете, Бога как последнюю глубину реальности. Обнаруживая глубинное родство с этой безусловной реальностью и абсолютной ценностью, человек преодолевает свою конечность.

Эта соразмерность человеческого и божественного также лежит и в основе социальной жизни. Ее важнейшие духовные основания — солидарность, любовь, служение. Общественная жизнь, подчеркивает Франк, вообще имеет своим конечным назначением осуществление природы человека во всей ее конкретности и полноте, т.е. обожение человека, возможно более полное воплощение в совместной жизни людей всей полноты ее божественной основы [7. С. 591]. В социальной философии Франка личное сознание в форме «Я» возможно только благодаря отношению «Я» — «Ты». Последнее, в свою очередь, является результатом первичного «Мы». «...Всякое общение между “я” и “ты” ведет к образованию какой-то новой реальности, которую мы обозначаем словом “мы”, или, вернее, совпадает с ней» [15. С. 271].

Эти категории общественного бытия — «Я», «Ты», «Мы», — отражающие «сердечные» отношения между людьми, контрастируют с «рассудочными» определениями людей — «Он», «Она», «Они». Таким путем Франк утверждает наличие персоналистской основы в социальной жизни, что сближает его концепцию с метафизикой диалога Мартина Бубера.

Одно из самых больших и доступных человеку чудес, утверждал Франк, — непостижимое чудо явления другого, второго «Я» [11. С. 111—121]. Это чудо воплощается в феномене любви, и потому сама любовь есть таинство. Любовь не просто чувство или эмоциональное отношение одного человека к другому, она есть актуализированное трансцендирование к «Ты» как подлинной, Я-подобной, по себе и для себя сущей реальности, открытие «Ты» как такого рода реальности и обретение в нем онтологической опорной точки. «...Впервые открывая нам “ты” в его реальном глубинном средоточии — “ты” как *личность*, — любовь тем самым впервые делает нас доступными открывению *святыни* личности...» [12. С. 375].

Любовь, говорил Франк, — это «сердечное» отношение «Я» и «Ты». В любви человек может выйти из самого себя, прорвать скорлупу своего эгоизма. В любви «Ты» не просто мое достояние, не просто реальность, находящаяся в моем владении и существующая лишь в пределах моего самобытия, в ее действии на меня. «Я не вбираю “ты” в себя, — я, напротив, сам вступаю в него, “переношусь” в него, и оно становится “моим” только на тот лад, что я сам сознаю *себя* принадлежащим ему» [12. С. 375]. Здесь открывается возможность познания изнутри, познания другого в его инаковости и единственности через сопереживание.

Это познание сродни такой интуиции, которая есть у художественно одаренных личностей, и действительно, в акте любви каждый становится художником образа другого. «Пусть попытается любящий отделить свое субъективное чувство любви от существа, на которое оно направлено, — и от любви вообще ничего не останется, — пишет русский мыслитель. — Так, для любящего не только его личное *чувство* любви, но и все целостное отношение к любимому существу, включая и само последнее, некоторым образом входит в состав его жизни» [14. С. 34—35].

Франк рассуждал о любви не как об идеально-романтическом явлении, а как о религиозно-просветленной любви к человеку на основе христианских ценностей. Именно такая любовь и есть самотворчество. Речь здесь идет о явлении, управляющем всей человеческой жизнью, ибо усмотрение и признание «ты», как равноценной и однородной мне реальности, образует основу всей человеческой жизни. Любовь в этом ее существе обнаруживается не только в эротической и супружеской любви, материнской любви, любви к родителям, братьям и сестрам. Всякое сочувствие и приветливость, сострадание и сорадование, даже простая вежливость, которые проистекают из непосредственного уважения к человеческой личности, есть проявление любви в ее метафизической, «сердечной» сущности.

Философ полагал, что не существует совершенной любви, такого отношения «Я—Ты», которое было бы только «чистой» любовью, поскольку момент «чуждости» «Ты», неравноценности его мне, неоднородности его со мной, обладание «Ты» лишь как необходимой, полезной или даже враждебной динамической компонентой всегда присутствует во всяком конкретном эмпирическом отношении индивидов. Всегда остается непреодоленным некоторый осадок несказанного, невыразимого, лишь самому себе молчаливо открывающегося *одиночества*. Мое внутреннее одиночество — это мое своеобразие, моя субъективность, от которой нельзя избавиться никаким трансцендированием, никакой сверхсильной любовью. «В этом смысле и самая интимная любовь даже *не имеет права* пытаться проникнуть в это одиночество, вторгнуться в него и его преодолеть через его уничтожение, ибо это значило бы разрушить самое внутреннее бытие любимого...» [12. С. 387]. Любовь должна быть (и здесь Франк приводит слова выдающегося австрийского поэта Р.М.Рильке) «нежным бережением одиночества любимого человека».

Любовь постепенно научает любящего воспринимать абсолютную ценность самой личности любимого. Через внешний облик любимого мы проникаем к тому глубинному его существу, которое этот облик выражает, — тварному воплощению божественного начала в человеке. Тем самым иллюзорное обоготворение эмпирически-человеческого преобразуется в благоговейно-любовное отношение к индивидуальному образу Божию, к богочеловеческому началу, которое есть в любом, даже несовершенном и порочном человеке.

Нельзя абстрактно любить человечество или человека вообще, говорил Франк, можно любить только данного, индивидуального человека во всей конкретности его образа. Любящая мать любит каждого своего ребенка в отдельности, любит то, что есть единственного, несравненного в любом из ее детей. «Поэтому универсальная всеобъемлющая любовь не есть ни любовь к “человечеству” как к некоему сплошному целому, ни любовь к “человеку” вообще; она есть любовь ко всем людям во всей их конкретности и единичности каждого из них» [13. С. 97]. Такая любовь объемлет не только всех, но и все во всех. Признавая

ценность всего конкретно-сущего, она объемлет всю полноту многообразия людей, народов, культур, исповеданий, и в каждом из них — всю полноту их конкретного содержания. Любовь есть радостное приятие и благословение всего живого и сущего, то благородство души, которое открывает свои объятия всякому проявлению бытия, ощущает его божественный смысл.

Следовательно, приходит к выводу Франк, по самой своей сути «любовь есть ... благоговейное, религиозное восприятие конкретного живого существа, видение в нем некоего божественного начала» [13. С. 90]. Поэтому всякая истинная любовь есть *религиозное чувство*, и именно это чувство христианское сознание признает основой религии вообще. Все остальные виды любви — эротическая, родительская, братская и т.д. — суть лишь зачаточные формы истинной любви, цветок на стебле любви, а не ее корень.

Любовь есть положительная творческая сила, расцвет души, радостное приятие другого, отмечает философ. Обычно сила любви направлена на кого-нибудь из близких, родных, «любимых», с которыми человек ощущает духовное родство, но христианская религия требует, чтобы таковым было наше отношение ко всем людям, близким или чужим, независимо от их достоинств и недостатков. Христианский завет любви — это попытка помочь душе «сердечно» раскрыться, просветлеть, попытка раскрыть глаза души, ибо то, что тянет ее к отдельному избранному человеку, практически присутствует во всех людях. Благодаря этому любовь как субъективное чувство превращается в универсальную любовь как общую жизненную установку.

В христианстве Бог есть любовь, подчеркивает Франк, т.е. сила, преодолевающая ограниченность, замкнутость, отъединенность нашей души, ее субъективные пристрастия. Любовь к Богу есть рефлекс Его любви ко мне, обнаружение Его любви ко мне. Моя любовь к Богу, мое стремление к Нему возникают из моей встречи с Богом, которая, в свою очередь, есть потенциальное обладание Богом, присутствие и действие Его во мне [11. С. 116—118].

Таким образом, любовь к людям как природное расположение, не имеющее религиозного корня и смысла, утверждает русский мыслитель, есть нечто шаткое и слепое, ибо истинное основание любви к ближнему заключается в благоговейном отношении к божественному началу личности, т.е. любви к Богу. Но если Бог есть любовь, то любить Бога значит любить всех людей, а наше отношение к ближнему, ко всякому человеческому и живому существу совпадает с нашим отношением к Богу. И то, и другое — это единый акт преклонения перед Святыней, где любовь и вера сливаются воедино. Любовь в нашей душе есть проявление божественности Сущего, произвольный душевный порыв служения, удовлетворения тоски души по истинному бытию через отдачу себя другим.

Такая любовь и есть самая сердцевина религиозной веры. Это тот Божественный Свет бытия, который лучится к нам из глубины Абсолюта. Однако злая человеческая воля противится Божественному Свету.

Оригинальную концепцию метафизики «поющего сердца» и любви создал *Иван Александрович Ильин* (1883—1954 гг.). По его мнению, философия всегда стремилась раскрыть с силой разумной очевидности подлинное содержание предмета, систематически испытанного и усмотренного пытливым душой. Она исследует сущность самой истины, самого добра и самой красоты. Иными словами, метафизическая философия постигает божественную природу во всех предметах, и, наконец, восходит к познанию самого Божества [16. С. 422—423], что обнаруживает ее глубокое внутреннее родство с религией.

К числу основоположений религиозного опыта Ильин отнес цельность веры, сердечное созерцание, самодеятельность, предметность, катарсис (очищение), покаяние, смирение, трезвенность, автономию. Самыми важными из них являются аксиомы цельности веры и сердечного созерцания, поскольку именно они определяют наиболее существенные особенности религиозного опыта в его православном понимании, и, кроме того, в них полнее всего выступает собственно философское, а не богословское содержание.

Религиозный опыт, утверждал философ, складывается из трех основных компонентов: религиозного предмета, религиозного акта и религиозного содержания. Под предметом в религии понимается Божество, религиозным актом русский мыслитель считает душевное состояние или переживание, вызываемое у человека общением с Богом, а религиозное содержание есть то, что взято и принято религиозной душой или религиозно настроенным духом, что именно видится в любви к Богу [8. С. 498—499, 506—508]. «Вот почему философия религии требует *терпимости, чуткости и сердца*. И конечно, прежде всего, — самостоятельного и подлинного *религиозного опыта*» [4. С. 503].

В отличие от религии, утверждал Ильин, философия есть особого рода «внутреннее делание», суть которого состоит в сосредоточении на своем собственном непосредственно переживаемом духовном опыте. Он по-иному истолковывал ключевое понятие феноменологии — понятие интенциональности, заменяя его понятием *предметности*. Предметность пронизывает все сферы жизни человека, она представляет собой неотъемлемый, существенный признак духовного опыта, в каких бы формах он ни осуществлялся.

Второе центральное понятие «философии духовного опыта» Ильина — понятие *очевидности*, которому он придает предельно широкий смысл. Очевидность — это состояние души человека, которое играет важную роль не только в гносеологии, но и в этике, эстетике, философии религии и других областях человеческого знания. «Итак, философ должен воспитать себя к *духовной очевидности*. <...> Ибо акт очевидности требует от исследователя *дара созерцания*, и притом *многообразного созерцания, способности к вчувствованию, глубокого чувства ответственности, искусства творческого сомнения и вопрошания, упорной воли к окончательному удостоверению и живой любви к предмету*» [4. С. 500—501].

Философия Ильина подчеркнута антропологична, именно человек во всем многообразии своих свойств и отношений составляет подлинный предмет его исследования. Русский мыслитель различает в человеке следующие душевные силы, или «способности»: восприятия, возникающие из чувственных ощущений; мышление; инстинкт; волю; силу воображения и жизнь чувства.

Современная цивилизация, полагает он, покоится на *чувственных восприятиях*, признавая их как бы «дверью», ведущей к внешнему миру; над ними в качестве «критического стража» ставится *индуктивное мышление*, из которого возникает естествознание и техника. То, что добывается этими двумя способностями, передается затем *инстинкту* и *воле*, которые создают из этого хозяйство и государственный строй. При этом приходится пользоваться и *силой воображения*, которая всегда подвергается строгому контролю *мысли* и *машины*. Что же касается чувства, то оно вообще устраняется из современной, научно признанной и деловой культуры и в зависимости от личных потребностей помещается в частной жизни.

Но сами по себе чувственные ощущения в духовном отношении слепы, творчески бессильны и нуждаются в руководстве, считает Ильин, поэтому им необходима высшая, целесообразная и ведущая инстанция. Если же ее нет, то чувственные устремления начинают служить телу и его похотям, бездуховному инстинкту самосохранения и размножения, безудержной корысти. Именно это мы видим в хозяйственной наживе, конкуренции, модернистском искусстве, господствующих в современной культуре и цивилизации.

«*Культура* есть явление *внутреннее* и *органическое*, — замечает философ, — она захватывает самую глубину человеческой души и слагается на путях живой, таинственной целесообразности. Этим она отличается от *цивилизации*, которая может усваиваться внешне и поверхностно и не требует всей полноты душевного участия» [6. С. 306]. В современной науке власть и контроль принадлежат *теоретическому мышлению*, что, несомненно, приводит к познавательным успехам. Однако такой «научный прогресс» остается духовно-безразличным и мертвенным, ибо взятая сама по себе отвлеченная мысль *бездуховна* и *бессердечна*.

Вплоть до XIX столетия мышление чествовали как величайшую силу доказательства и просвещения, как орган самой истины, как «Разум» («Rasio»). Но оказалось, что это «чистое» (голое) мышление на самом деле духовно индифферентно и мертво в делах созерцания и сердца, ныне оно превратилось в пошлый, скептический рассудок и представляет собой величайшую опасность для человеческого рода — орган лжи и мнимых доказательств, орудие обманной и губительной пропаганды, путь соблазна и разрушения...

Разум есть созидательная энергия, энергия понимания, утверждает Ильин, в нем заключен особый порыв: порыв овладеть методом понимания. Разум призван помогать сердцу присущим ему чувством познавательной ответственности; он сообщает религиозному опыту мысль и умную любовь к Богу. Следовательно, разум — это творческая прозорливость в восприятии и творческая сила оценки в единстве, разъединении и упорядочении воспринимаемого; он предполагает способность к концентрации и силу интуиции. В его власти охватить сущность всего и целесообразно оформить его. Значит, наибольшую опасность для современной культуры представляет интеллектуализм, т.е. преувеличение возможностей рассудка и разума. Поэтому разум вовсе не сводится к «мышлению»: «Умный — это умный человек в целом: у него также умное сердце, умная воля, умная фантазия. Только тогда он умен: только тогда дышит в нем *сущность мира*, только тогда его разум становится мудростью» [2. С. 163].

Человеческий *инстинкт*, полагает русский мыслитель, также есть великая сила, таинственная и изумительная, которая может принести большую жизненную пользу. Но зачастую он становится орудием человеко-животности, гибким, цепким, изворотливым и лукавым; ибо даже не задумывается *о духовной жизни, о социальной жизни*. Свою истинную мощь, полноту своих способностей инстинкт приобретает тогда, когда в нем просыпается око духа. Тогда духовность светит из инстинкта, а инстинкт «облекается в дух».

В свою очередь, человеческая *воля*, взятая сама по себе, есть сила формальная и духовно-безразличная. Она представляет собой способность выбирать и решать, но верного критерия для выбора и предпочтения не имеет. Воля, взятая сама по себе, есть сила холодная, жесткая и безлюбивая; она создает беспринципную власть; она ведет не к Богу, а к дьяволу.

Что же касается *воображения*, то предоставленное самому себе и своему нестесненному полету, оно оказывается приятной и развлекающей способностью. Представляя себе окружающий мир и мир человека в образах, воображение легкоподвижно, капризно и безответственно; оно угождает инстинктивным желаниям человека и жаждет удовольствий; иногда оно даже может случайно вознестись в сферу духа, но и там оно остается духовно-безразличным и не превращается в творческое созерцание.

Но есть еще одна сила, считает Ильин, которая имеет призвание направлять, укоренять и сообщать духовную предметность всем человеческим способностям, объединять внутренние силы человека и насыщать их новым содержанием, — «...это *сердце, сила любви и притом духовной любви к действительно прекрасным и драгоценным предметам*. Дело жизненного *выбора* и притом *верного и окончательного* выбора есть дело духовной любви» [4. С. 540].

Вот почему, говорит философ, главным духовным феноменом человека является *сердечное созерцание*, от развитости которого зависит уровень как отдельной личности, так и человеческой культуры в целом. «...У человека имеется особая, невынудимая сила духовного, сердечного созерцания...» [6. С. 310]. Индивид, обладающий этой способностью, вступает в мир, чтобы духовно вчувствоваться в него. «Сердечное созерцание» — самая высшая и благородная способность человеческого существа во всех областях духовной культуры, в том числе и в религии; это высший гнозис на основе духовной любви к возвышенным и достойным предметам.

По мнению Ильина, «*сердечное созерцание*», или «*созерцание сердца*», надо понимать так: «Когда человеческая любовь избирает себе такое жизненное созерцание, которым действительно сто́ит жить и за которое сто́ит и умереть, — то она становится *духовной любовью*. Если же духовная любовь овладевает человеческим воображением, наполняет его своею силою и своим светом и указывает ему достойный предмет, то человек отдается *сердечному созерцанию*: в нем образуется новый, чудесный орган духа, орган творчества, познания и жизни, который возносит и окрыляет его. Этот орган требует внимания, упражнения и привычки; он открывает перед человеком новые возможности и новые пути культуры» [4. С. 541—542].

Вторым сущностным определением человека, считал русский мыслитель, является *любовь* — величайшая способность принимать, утверждать и творить. При этом любовь противопоставляется им и отвлеченному рассудку, и черствой воле, и холодному воображению, и земной похоти. Философ выделяет такие определенности любви, как сосредоточение внимания и интереса на любимом человеке, интенсивная жизнь души (душевное богатство, радость, пронизательность, интуитивное ясновидение любимого предмета), центрированность на любимом содержании, высшим проявлением которых является *духовная любовь*. Духовная любовь есть как бы некий голод души по Божественному, в каком бы облики это Божественное ни проявлялось. Она — как бы вздох, призыв, молитва, обращенная к духовному небу, которая безмолвно живет в сердце.

Так слагаются высшие духовные органы человека. Именно «любовь превращает *воображение в предметное видение, в сердечное созерцание*, из этого вырастает *религиозная вера*. Любовь наполняет мысль живым созерцанием и дает ему силу *предметной очевидности*. Любовь укореняет *волю* и превращает ее в могучий орган *совести*. Любовь очищает и освящает *инстинкт* и отвергает его *духовное око*. Любовь углубляет и облагораживает *чувственные восприятия*, она придает им художественный смысл и заставляет их служить искусству» [4. С. 541].

Каждому человеку, считает Ильин, доступен внешний и внутренний опыт. *Внешний опыт* прилепляет нас к чувственным восприятиям и состояниям. Зрением, слухом, обонянием и осязанием мы обращаемся к миру, воспринимаем его ощущениями, пространственным созерцанием, органами чувств. Мы живем нашим телом, прислушиваемся к нему и воспринимаем мир именно через него. Поскольку мир является нам миром материальных вещей, другие люди тоже воспринимаются нами как живые тела, доступные нам только со стороны своей тленности. Поскольку холод, голод, телесные муки и вызываемые ими страсти кажутся нам важнейшими состояниями человека, то и сама любовь прежде всего воспринимается нами как чувственная влюбленность и половая страсть.

Напротив, *внутренний опыт* уводит людей от чувственных восприятий и состояний и открывает иной мир, мир, воспринимаемый нечувственно. Связанная с телом от рождения до смерти душа может отворачиваться от тела, не откликаться на его зовы и соблазны, не пребывать в нем своим вниманием и интересом, т.е. идти не к нему, а через него, к нечувственным явлениям и состояниям мира. Тогда все вещественное, материальное, телесное становится лишь *символом* иных, важнейших, субстанциальных проявлений, на которых и сосредоточивается все наше внимание. К ним относится прежде всего мир *человеческой души* во всех ее, не поддающихся телу, интересах, желаниях, помыслах и фантазиях. «Это мир, в котором люди суть живые и свободные духовные сущности, доступные нам в своей внутренней жизни; мир, в котором любовь прилепляется к нечувственному облику человека и самые страсти, одухотворяясь, получают значение некоего священного трепета» [5. С. 30].

Следовательно, делает вывод русский мыслитель, «есть только одно истинное “счастье” на земле — *пение человеческого сердца*. Если оно поет, то у человека есть *почти* все; *почти*, потому что ему остается еще позаботиться о том, чтобы сердце его не разочаровалось в любимом предмете и не замолкло» [3. С. 375]. Сердце поет от любви, когда вдыхает

любовь из Божьих пространств и само дарит любовь каждому живому или разумному существу, каждой пылинке и даже злему человеку. Только тогда в нем струится и пульсирует священная кровь Бытия.

Метафизика сердца и любви, утверждает Ильин, лежит в основе постижения не только человека, но и всего общества. Акты духовного сердечного опыта любви и веры слагаются и производятся народами на протяжении столетий. Они созревают преимущественно в бессознательном порядке и притом медленно, передаваясь в процессе воспитания и образования от одного поколения другому. Человек выступает носителем вечного Божественного начала, в силу которого он, наделенный свободой и стремлением к автономности, вместе с тем не обречен на одиночество в мире. Философ выделяет семь вечных основ социального бытия человека: вера, любовь, свобода, совесть, семья, родина, нация. Они образуют нерасторжимое единство, ведущую роль в котором играет вера и любовь, поскольку только через них постигаются и осмысливаются все другие формы человеческой жизни.

Таким образом, в разработанной С.Л.Франком и И.А.Ильиным метафизике «сердечной любви», впитавшей в себя все богатство православной традиции кардиагнозиса, любовь понимается не только как телесное влечение и индивидуальное чувство, но прежде всего как действующая в человеке вселенская сила, соединяющая его с другими людьми, трансцендирующая к непостижимым глубинам бытия, к Абсолюту, к Богу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евлампиев И.И. История русской философии. М., 2002.
2. Ильин И.А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 3.
3. Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 3.
4. Ильин И.А. Путь к очевидности // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 3.
5. Ильин И.А. Из книги «О тьме и просветлении». О чтении и критике // Ильин И.А. Одинокий художник. М., 1994.
6. Ильин И.А. Основы христианской культуры // Ильин И.А. Одинокий художник. М., 1994.
7. Кураев В.И. Франк Семен Людвигович // Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М.А.Маслина. М., 1995.
8. Кураев В.И. И.А.Ильин: философия духовного опыта // История русской философии / Редкол.: М.А.Маслин и др. М., 2001.
9. Левицкий С.А. С.Л.Франк // Франк С.Л. Реальность и человек. М., 1997.
10. Назарова О.А. Онтологическое обоснование интуитивизма в философии С.Л.Франка. М., 2003.
11. Некрасова Е.Н. Франк. М., 2000.
12. Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Соч. М., 1990.
13. Франк С.Л. С нами Бог // Философия любви. М., 1990. Ч. 2.
14. Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию // Франк С.Л. Реальность и человек. М., 1997.
15. Франк С.Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия // Франк С.Л. Реальность и человек. М., 1997.
16. Яковенко Б.В. История русской философии. М., 2003.